

Николай Бубнов
Андрей Савельев

Открытие Германии

Савельев А.Н.
Открытие Германии: Три года в Карлсхорсте и
Русские записки, М., 2016

Первые послевоенные годы в Германии в воспоминаниях военного журналиста полковника Николая Бубнова преисполнены симпатии к немцам и злой иронии в адрес западных политиков, стремящихся противопоставить восточных и западных немцев. Записки его внука Андрея Савельева стали новым "открытием Германии" после долгих десятилетий разделяющих народы "железного занавеса". Они также ироничны: мир без СССР не сблизил народы, хотя и позволил узнать о них больше, чем это было возможно ранее.

Оглавление

Предисловие
Три года в Карлсхорсте
Без визы по Европе
В бывшем Прусском банке
По праву победителей
Пик - Гротеволь - Ульбрихт
Приказ маршала Соколовского
Аграрная реформа
Возрождение культуры
Суд над палачами Заксенхаузена
Кризис Контрольного Совета
Маршаллизация Западной Германии
Янки в Берлине
Бизония - Тризония - ФРГ
Боннские раскольники
Новая Германия
В обстановке "холодной войны"
Удачная рубрика
Редакционные эпизоды
Дружба - Фройндшафт

Русские записки

Депутат едет в Европу

Путь в Баварию

Германская провинция

Немного политики

Русские в Германии

Гастрономический рай

Немецкая душевность

Другая Германия

Странные немцы

По Германии на автомобиле и пешком

Заключение

Предисловие

Николай Антонович Бубнов (1906-1992), военный журналист, в начале 80-х годов XX века написал воспоминания о своей послевоенной работе в Берлине. Несмотря на то, что он был заслуженным человеком - ветераном войны, орденосцем, опытным публицистом, партийные чиновники, ознакомившись с рукописью, сказали: "В этом веке опубликовано быть не может". Поэтому публиковать свидетельства полковника Бубнова о первых послевоенных годах Германии приходится мне, его внуку.

Теперь записки моего деда стали историческим документом, в котором отразился стиль эпохи. Я помню, как он работал над книгами, ни одна из которых так и не вышла в свет, - перепроверя каждый факт и оставляя на полях рукописи ссылки на подтверждающие публикации. Поэтому имена и события - все здесь подлинное, насколько вообще возможна достоверность в мемуарной литературе. Оценки фактуры могут показаться современному читателю тенденциозными, но нет сомнений в том, что никакой неправды Н.А.Бубнов не потерпел бы - это претило его достоинству журналиста.

Мне представляется важным, чтобы эта книга вошла в обширную библиотеку воспоминаний ветеранов. В особенности, потому что в данном случае мы имеем дело с текстом человека просвещенного, подмечающего многие детали и способного выразить их в литературной форме. Это "срединный уровень" - между простотой устного предания рядовых участников войны и скованностью официальных мемуаров полководцев, порой далеких от "окопной правды".

Конечно, здесь нет ярких боевых эпизодов, которых на долю участников войны не приходилось так много, как принято изображать в сюжетах художественной литературы и кинематографе. Я надеюсь, что мне удастся получить из архива военные дневники Никлая Антоновича и опубликовать их. В этих дневниках - правда войны без попыток прославить себя, что-то приукрасить и подать события в героическом свете. Война, прежде всего, - тяжелая и опасная работа. В ней полковник Бубнов участвовал и на передовой - как военный корреспондент, и как главный редактор армейской, а потом фронтовой газеты. Встретив Победу в Кенигсберге, он продолжил службу в качестве главного редактора главной военной газеты Советской военной администрации в Германии (СВАГ) - "Советское слово".

Воспоминания главного редактора имеют мало общего со стилем профессионального писателя. Это не литературное произведение. Это слово журналиста, не стремящегося к наибольшему воздействию на читателя набором каких-то поучительных историй. Это свидетельство эпохи, выраженное ее языком. Так мы и должны относиться к правде жизни, которую по-своему стремится высказать каждое

поколение. И стремиться понять ее, формируя свой взгляд на прошлое, настоящее и будущее.

Готовя книгу своего деда к публикации, я решил дополнить ее своими записками о Германии и немцах, которые отражают разительное изменение стиля эпохи и составлены и имеют совершенно другой характер - скорее безответственного, но весьма заинтересованного наблюдателя. Если мой дед в какой-то мере представлял свою страну и работал под контролем множества государственных органов, то меня с Германией не связывали никакие официальные отношения. Без каких-либо оглядок на официальные структуры, я мог общаться с немцами, изучать немецкую философию и воспринимать немецкую культуру.

В моих заметках, которые почти без изменений публикуются в том виде, в котором они писались по горячим следам событий, тоже отражают эпоху - даже не столько ту, что пришла в объединенную Германию, сколько ту, что наступила в начале 90-х в расчлененной России.

Андрей Савельев, 2016

Николай Бубнов

Три года в Карлсхорсте Послевоенная Германия глазами советского полковника

Со времени второй мировой войны стадо широко известно слово "Карлсхорст" и оно будет встречаться во всех случаях, когда дойдет речь об итогах войны. В Карлсхорсте, расположенном в юго-восточной части Берлина, в первые минуты наступившего дня 9 мая 1945 года подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. В Карлсхорсте, в том же здании бывшего инженерного училища вермахта генерал армии В.И.Чуйков 7 октября 1949 года официально передал правительству Германской демократической Республики функции, принадлежавшие Советской Военной Администрации в Германии (СВАГ).

Между 9 мая 1945 года и 7 октября 1949 года в советской зоне оккупации произошли коренные преобразования антифашистско-демократического характера.

Немецкие прогрессивные силы получили возможность самостоятельно, опираясь на Советский Союз, строить социалистическое общество в восточной части Германии.

В послевоенный период, с 1947 по 1953-й год, в Берлине издавалась газета "Советское слово". Пропагандистский печатный орган СВАГ на своих страницах запечатлел события, связанные с деятельностью многих тысяч советских людей, посланных в Германию для выполнения задач государственного значения.

За три года редактирования "Советского слова", через мое сознание и сердце прошло столько интересных событий, осталось так много впечатлений, что считаю вправе по-своему рассказать о послевоенных свершениях в Германии. Рассказать для тех, кто так или иначе интересуется последствиями Победы в Великой Отечественной войне.

Без визы по Европе

В 1945 году, в июле, меня назначили редактором газеты Особого военного округа в Кенигсберге. Уходили в прошлое невзгоды фронтовой жизни, и мы переходили к оседлому состоянию. Не требовалось передвигать громоздкое хозяйство фронтовой газеты по дорогам войны, выпускать красноармейскую газету то в деревне Шелуденево, то в Калиновке или же Рябиновке. Лесные дороги, распутица, сугробы отпали как препятствия передвижения редакционного коллектива, издательского и типографского имущества.

На фронте, когда мы кочевали, часто приходила мысль: раз мы движемся, значит ближе конец походной жизни. Однако уже в 1945 году стало выясняться, что журналистам еще придется поколесить. Весь первый год после окончания войны представляется как великое переселение людей. Домой уходили миллионы солдат. Сокращался офицерский корпус. Дивизии передвигались к месту новой дислокации или в пункты расформирования. Семьи ехали к месту службы мужей, отцов. Любой кадровый военный мог оказаться в любом конце страны или за границей. По стране передвигались десятки миллионов демобилизованных, эвакуированных, военных и невоенных, взрослых и детей. Двигались редакции газет и где-то на пути к Москве расформировывались редакционные коллективы. Добрая половина военных журналистов подалась "на гражданку", а сроднившиеся с армией покорно ждали вызова "в кадры" для переговоров или приказов о назначении. Было время ожиданий и колебаний.

Без преувеличения можно сказать, что в 1945-1947 годах выпускать солдатскую газету было труднее, чем на войне. Редакциям досталась изношенная типографская техника. Непрерывно менялся состав специалистов. Сегодня демобилизуются печатники или наборщики, завтра не стало стереотипера или же корректора. Приходили новые солдаты, наскоро учились типографскому делу, но вскоре их год демобилизовался, и все начиналось заново. Остановить процесс демобилизации невозможно. Каждого тянуло к родным местам и к довоенной профессии.

На примере жизни редакционного коллектива легко понять, насколько трудной политической и экономической задачей была демобилизация многомиллионной армии. Остающиеся в кадрах Советской Армии не могли рассчитывать, как говорится, на постоянную прописку, в любой момент можно было попасть под сокращение или испытать переброску к новому месту службы. Мне, например, только в январе 1946 года, через четыре с половиной года после начала войны удалось воссоединиться с семьей. От Свердловска до Кенигсберга семья с трудом, но в общем благополучно проехала, потеряв лишь два ящика с книгами.

Осенью и зимой 1945-1946 года в Кенигсберге жить было, мягко говоря, трудно. В помещении редакции работали в шинелях, семьи мерзли в особняках, не отапливаемых из-за отсутствия коксика. Во сто раз приятнее размещаться в старых русских халупах какой-либо деревни Федоровки, чем в разрушенном и неприветливом прусском городе, где

ничто не радовало глаз. Каждого из нас тянуло на Восток, и каждый надеялся окопаться где-нибудь в России или на Украине.

Не пришлось долго жить в Кенигсберге и стать свидетелем, как город бывшей Восточной Пруссии становился советским. В апреле 1946 года меня назначили редактором газеты Южной группы войск. Из Кенигсберга, не заезжая в Москву, следовало попасть в Бухарест, а затем в Констанцу. Командировочное предписание лежало в кармане, а что взять с собой? - ведь перемещаясь в другую страну, придется пересечь государственную границу. Редактор может обойтись без домашнего скарба, но без набора книг никак обойтись нельзя.

В конце концов, без семьи и без домашнего имущества я двинулся в Румынию и вскоре оказался на пограничной станции Рени. Никаких таможен и пропускных пунктов, никакого транспорта чтобы перебраться к румынскому поезду. Тяжелые ящики, набитые книгами: Собрание сочинений В.И.Ленина, "Капитал" К.Маркса, Малая Энциклопедия и другие книги. Подшивку журналов "Большевик", "Коммунистический интернационал", мемуары Ллойд Джорджа, "Антишпионская" библиотечка и многие ныне редкие книги, накопленные в годы работы на Урале, сдал в библиотеку дома Красной Армии в Кенигсберге, к сожалению, безвозвратно.

Книжный груз на своих плечах пришлось перетаскивать через советско-румынскую границу, в 1947 году перевозить в Берлин, и лишь оттуда "Капитал" Маркса возвратился в Москву, где я его покупал в 1928 году. К книгам-путешественникам у меня особое уважение. Вспомнилось, что в старой Румынии за хранение и чтение марксистской литературы пытали и вешали. В мае 1946 года, проезжая через Румынию, мне и в голову не приходила мысль о преследовании за доставку коммунистической литературы в портовый город Констанцу. В освобожденную страну я ехал по праву победителей, без визы и таможенных досмотров, с одним командировочным предписанием.

В майские дни 1946 года Бухарест выглядел целехоньким: орава чумазых мальчишек с криками "чистим, блистим" преследовала до тех пор, пока не отдал сапоги во власть настырных чистильщиков. На тротуарах Бухареста довольно нарядная публика, в уличных кафе спокойно едят мороженое. Чувствуешь среди них настороженную тишину, когда мимо проходит советский офицер. У королевского дворца стояли на карауле гвардейцы короля Михая. В витринах магазинов и в окнах парикмахерских висели портреты королевы "мамы Елены".

Куда я попал? Страна капитулировала почти два года назад, а молодой король Михай продолжает царствовать и забавляться. Заядлый автомобильный гонщик, он с юношеской радостью принимал простенький самолет, подаренный ему советским командованием. При многочисленных орденах он присутствовал на пышном приеме другого подарка - парусной яхты. А как Михая не радоваться паруснику, если у Румынии в результате войны не осталось ни одного судна. Тогда самонадеянный монарх, вероятно, не догадывался, что через полтора года ему придется расстаться с дворцом и коротать свой век у Женевского озера в компании отставных монархов.

Первое впечатление от Румынии было противоречивым: спокойно ходишь в военной форме, близко размещены советские войска, действуют контрольные органы союзников и никаких эксцессов. С другой стороны, везде мелькают портреты короля и "мамы Елены". В районе Меджедия я видел настоящего, живого помещика. Высокий, в нарядном сером костюме, при галстукке, с золотой цепочкой на жилете, мрачный и озабоченный, он предчувствовал революцию в деревне и очень недружелюбно с нами разговаривал. А рядом барак, глиняный, пыльный, около него смиренно стояли батраки, плохо одетые, в каких-то чеботах на уровне поношенных лаптей. Румынская деревня, не тронутая революционными силами, жила как бы в прошлом веке.

Бедная Румыния с богатыми королем и помещиками находилась в тяжелом экономическом положении. Инфляция обострялась с каждым днем. По годовой смете нашей газете было положено 250 миллионов лей. Но что мы за миллионеры, если вызвать

из Бухареста мастера для ремонта линотипа стоило несколько миллионов, плюс "харчи" за наш счет. Да что там говорить, старенький фотоаппарат стоил 12 миллионов лей.

Политическая жизнь Румынии в 1946 году была активной, проходили выборы в парламент. На плакатах перечислялись кандидаты в депутаты от нескольких старых буржуазных партий, а кандидат от коммунистической значился в конце списка. Выборы проходили по правилам буржуазной парламентской механики. Они показали, что в стране еще только зреют те силы, которые на исходе 1947 гона покончат с монархическим режимом.

Румыния почти избежала разрушений. Мне удалось немало поехать по стране. Сады и виноградники, великий Дунай, пшеничные и подсолнечные поля, рослая кукуруза, богатые и бедные города и поселки, богато и бедно одетые люди, равнинный и горный пейзаж. Красивая страна, не обделенная природными богатствами, населенная трудолюбивым народом, ведущим историю от древних даков и времен похода римского полководца Марка Аврелия.

Румыния расплачивалась за прислужничество гитлеровской Германии. Она переживала переходный период, искала пути к революционной переделке социальных и экономических условий. Присутствие советских войск создавало благоприятные условия для прогрессивных преобразований. Три с лишним года понадобилось для ликвидации в Румынии королевской власти и помещичьего строя, для прихода к власти рабочих и крестьян. Все ли румыны сейчас помнят о том, что Советская Армия и советское государство расчистили им дорогу для сегодняшних успехов социалистического строительства? Но это уже другой вопрос.

Летом 1947 года мне из Румынии пришлось перебираться в Берлин, в связи с назначением в газету "Советское слово". Сейчас почти невозможно представить положение, при котором советский полковник, без визы и валюты, без железнодорожного билета, с семьей и домашним имуществом, с командировочным предписанием войсковой инстанция среднего масштаба мог пробраться из румынского приморского города Констанца до оккупированного Берлина. Из Кенигсберга в Констанцу я проехал без денег и без проездных документов. Но через Европу?!

Вот румынская "Рапида" движется к венгерской границе. Впереди другая страна, чужой народ. Мы знали, как гитлеровцы использовали подразделения мадьяр для карательных операций. Знали о сопротивлении венгров и кровопролитных боях на территории их страны. К середине 1947 года в советско-венгерских отношениях еще далеко не исчезла отчужденность и настороженность.

Пышная растительность венгерской низменности свидетельствовала о том, что мы едем по другой стране, сильно отличающейся от Румынии. Еще в довоенное время я читал о том, как толстосумы съезжались сюда для охоты на кабанов, сколько долларов стоило такое удовольствие и как, в отличие от нас - скромных охотников, вели себя богачи, сочетая неограниченную трехдневную стрельбу по фазанам с весельем в ресторанах и домах терпимости Дебрецена. Венгерские эксплуататорам пришлось проститься со старыми порядками, хотя в 1956 году они еще пытались восстановить свою власть и право наживаться на всем, в том числе путем монополии на фазанью охоту. Но бесполезно!

Вспомнилась и другая сторона истории Венгрии, ее революционное прошлое. Воскресали в памяти события, связанные с образованием в 1919 году Венгерской Советской Республики, горячие приветствия В.И.Ленина венгерским революционным массам, героизм венгерских интернационалистов в годы гражданской войны в нашей стране и в Испании. Реакционный хортистский режим, союз Венгрии с фашистской Германией принесли плачевные результаты. Из сознания венгров постарались вытравить чувства интернационализма и уважения к первой в мире социалистической державе. Много жизней советских людей на совести венгерских реакционеров.

Расплата Венгрии за участие в войне была тяжелой. Это чувствовалось и летом 1947 года. Будапешт выглядел пустым, обезлюдевшим и мрачным городом. Преследовала боязнь выстрелов из окон высоких серых каменных домов.

На перроне будапештского вокзала ходил высокий человек в форменной одежде, с большой кожаной сумкой. Это был представитель венгерского банка. Он менял валюту на форинты - новую денежную единицу, введенную вместо ленто. В те дни 1947 года чтобы проехать на трамвае нужно иметь несколько миллионов пенго. Правда, это была купюра размером с почтовую марку. Инфляция требовала от людей миллиарды пенго.

Я подошел к представителю банка и спросил, можно ли рубли обменять на форинты. Ответ был кратким и резким: нельзя, запрещено. Надо, однако, пообедать. Около вокзала, на типичной барахолке, за махровое полотенце дали столько форинтов, что их хватило на обед для двоих, вторая половина семьи поела из продуктов военного лаяка, взятого в Румынии. Мой товарищ по фронту, работник советского посольства в Венгрии Смирнов в беседе нарисовал мрачную картину положения в стране. Да это было видно и не вооруженному статистикой человеку.

Чужой язык, неприветливый город, исподлобья глядящие люди, ощущение какой-то напряженности - вот впечатление от Будапешта в июне 1947 года, желание скорее проехать Венгрию было, поэтому, вполне естественным. И когда я оказался в поезде Будапешт-Вена, то настроение выправилось, как будто миновал серьезное препятствие на пути. Только увидев Венгрию 1947 года можно по достоинству оценить великие достижения венгерских коммунистов по переделке своей страны, по приобщению ее к братской семье народов социалистического лагеря.

Как попасть на поезд Будапешт-Вена? Ведь в Австрии хозяевами были союзники, в восточной части страны находились советские войска, в западной - американские, и хотя австрийцы воевали против нас на равных с гитлеровцами, в этой стране чувствуешь себя спокойнее, чем в Венгрии. Видимо, историческое прошлое, стремление австрийского народа к независимому существованию оставило отпечаток в его сознании.

Вена, в которое пришлось остановиться на несколько дней, выглядела благоустроенным мирным голодом. Шиллинги относились к устойчивой валюте, и если ты их имеешь, можно хорошо покушать. Красивая Вена как будто и не ощущала оккупационного режима, хотя советских военных в городе было много. Дом офицеров группы войск размещался в роскошном помещении дворцового типа. Но меньше всего приходилось думать о целях туристических. Как ни интересен собор святого Стефана, как ни прекрасен Венский лес, как ни велико желание хотя бы немного узнать австрийский народ, но моя цепь - попасть в Берлин, а до него еще далеко. К тому же было трудно попасть на поезд Вена-Прага. Понадобилось соблюсти некоторую формальности, чтобы получить право на проезд в Чехословакию. Освобожденная советским народом Чехословакия не знала никаких оккупационных властей и сразу же после войны получала полную самостоятельность.

В вагоне поезда Вена-Прага никого кроме моей семьи не было. Проводник участливо спросил, куда я еду. После моего ответа он пространно рассуждал о чем-то, но я впервые слышал чешскую речь и ничего не понял. В конце концов, увидев дружественное расположение проводника, решился на проступок. У меня хранилась сторублевая бумажка, и я попросил обменять ее на кроны. После пространных объяснений, скорее всего, возражений, проводник дал мне сколько-то крон, которых хватило на обед в ресторане пражского вокзала.

Вокзал в Праге был переполнен. Впервые за многие годы увидел шумных и веселых людей, пьющих черное пиво из тяжелых хрустальных кружек. От сугубо мирной обстановки мы давным-давно отвыкли, да и до войны нам не приходилось много веселиться. Страдания военных лет тогда, в 1947 году, еще не были забыты. Вероятно, поэтому до сих пор помню ресторан пражского вокзала, переполненный хорошо одетыми людьми и с довольными лицами. Несколько позднее мне удалось вновь быть в Праге и

присутствовать на опере "Тоска" в оперном театре. Бросалась в глаза надпись на дверях театральной ложи, гласившей, что ложа принадлежит машиностроительному заводу. После февраля 1949 года рабочий класс стал хозяином положения, и будущее Чехословакии попало в надежные руки. Но до последнего времени спрашиваю себя, почему так прочно запечатлелась картина сытой и довольной публики на пражском вокзале? Вероятно потому, что 1947-й год являлся голодным для других стран Европе, опустошенных войной и переживавших трудности восстановления разрушенного. В Румынии было невозможно купить мяса и хлеба. В Венгрии свирепствовала инфляция. Трудящиеся Австрии не имели шиллингов. Немцы жили на полуголодном пайке. Чешский народ не испытал ни разрушений, ни свирепой оккупации. Без паузы работали предприятия промышленности, сильно развившейся в годы войны. В неприкосновенности сохранялись производительные силы, а производители, все до единого, могли заниматься мирным трудом, ничего не надо восстанавливать и строить. Уважительное отношение чехов к советскому человеку говорило о том, что они понимали величие заслуг советского народа, своим героизмом спасшего Чехословакию от разрушительного смерча войны.

И все же, как в 1947 году можно было проехать без билета и без крон почти через всю Чехословакию? У кого просить разрешение для проезда из Праги до станции Подмокля на чешско-германской границе? Раз нет советских представителей, обращайся к всемогущим железнодорожникам. Уважение чехов к Советской Армии заменило проездные документы. Чехи долго обсуждали, как советскую семью переправить через границу, да еще с чемоданами и ящиками. Документов не спрашивали, великолепно понимая, что отправить советского полковника обратно труднее, нежели переправить его в Германию. В конце концов, семья и имущество были погружены на дрезину, каким-то образом железнодорожники с помощью чешских пограничников протолкнули дрезину через границу и мой "эшелон" оказался на территории оккупированной Германии.

Никогда не изгладится из памяти первое впечатление от пребывания в поверженной Германии. Маленькая пограничная станция называлась, насколько помню, Шоне. Настораживало полное безлюдье, станция освещалась слабо, и кругом все выглядело мрачно. Рельсы казались черными, без того сероватого отлива, который видишь при нормальном освещении и которые всегда зовут вперед. В помещении вокзальчика неуютно, холодно, хотя и в летнюю пору. Вся обстановка заставляла семью вести разговор шепотом, как будто мы находились во вражеском тылу. О том, чтобы поужинать или попить горячего чайку не могло быть и речи. Пришлось довольствоваться остатками румынских заготовок десятидневной давности. Мы испытывали неприятное ощущение незащитности в этом темном уголке чужой и чуждой страны, ведь вокруг не было советских людей.

Безлюдье на станции и настораживающая темнота создавали впечатление, будто через два года после войны вся Германия выглядит такой же мрачной и настороженной, как и станция Шоне на германо-чехословацкой границе. Чувство победителей, очевидно, преодолевало боязнь диверсии против одинокой советской семьи. А может быть форма вооруженного советского офицера заставила немцев отпрянуть от станционного здания? Не знаю. Во всяком случае, на окраине бывшего фашистского рейха мы чего-то опасались, но терпеливо ждали поезда.

Наконец-то от станции Шоне, в предутренние часы поезд двинулся на север, к Берлину. На территории Саксонии, ближе к Дрездену, стали встречаться признаки нового и необычного.

То и дело увидишь человека в советской военной форме и на душе становилось спокойнее. Понимал, что где-то близко размещены наши войска. А на Силезском вокзале, попав в сферу власти советского коменданта Берлина, а затем в руки работников издательства "Советское слово", почувствовал конец путешествия без визы и вступил как бы в собственные владения.

Переезд от Констанцы в Берлин, через пять европейских государств, с семьей и без визы, в некоторой степени отражает обстановку послевоенного времени. Мы ехали по праву, завоеванному трудом и кровью советских людей. Крах немецкого фашистского государства и союзных с ним стран привел к тому, что несколько лет не существовало препон для передвижения советских людей до всей Германии и многим европейским государствам.